

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Строго секретно: спецубиение

О массовом выселении крестьян на север Сибири в 1930 году

Правда, иным читателям эта тема кажется лишней: надоело-де, «хватит очернять прошлое», «что было, то сплыло», — пишут они в редакцию. С таким мнением согласиться трудно. Ведь как ни повторять — «очернение», «клевета», остается несомненным: если мы не будем стремиться до конца осмыслить прошедшее, не сделаем из него всех горьких выводов, оно обязательно аукнется и больно ударит. Разве не о том предупреждают нас и результаты декабрьских выборов в Федеральное собрание?

Именно поэтому мы считаем своим долгом напоминать о тяжелых страницах нашей биографии при коммунистическом режиме. Тем более что рассекреченные архивы содержат множество новых документальных материалов. А от реального свидетеля, то есть подлинного документа, уже не отмахнешься — клевета, мол.

Вот и предлагаемая ниже публикация основана на документах — на сей раз из Новосибирского архива. Они составили сборник «Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г.», подготовленный доктором исторических наук В. П. Даниловым и кандидатом исторических наук С. А. Красильниковым. Небольшую часть из этих документов мы здесь представляем — с краткими пояснениями и комментариями.

Уже не раз мы публиковали материалы о том, как проходила коллективизация в разных районах страны. Как разор и насилие обрушились тогда на деревню, и кроме тех тысяч и тысяч "кулаков", которые были арестованы, еще миллионы "классовых врагов" (из них более половины — середняки и даже бедняки), включая стариков и грудных младенцев, были высланы в малопригодные для жизни районы таежного Севера — на верную гибель. Официально эта кампания называлась спецпереселение. Но куда точнее было бы назвать ее спецубиение.

Веревку приносить с собой

О том, как выселяли крестьян из родных мест — из деревень Центральной России, с Украины, Кубани, запада и юга Сибири — в непригодные для жизни северные края, в каких условиях их везли, кто оплачивал то вынужденное мучительное «путешествие», — свидетельствуют сухие протокольные строки решений, постановлений, донесений, исходивших из недр высоких властных органов.

Из постановления Сибкрайисполкома от 19 февраля 1930 г.:

«О подготовке к переселению кулацких хозяйств в отдаленные необжитые районы. Строго секретно.

Предупредить все выселяемые хозяйства, что никакого государственного снабжения их не будет производиться ни в пути следования, ни на местах поселения...

Питание будет производиться за счет переселяемых семейств в расчете на пребывание в пути следования до 2 месяцев.

Выселяемые кулацкие хозяйства должны уплачивать по 25 рублей на расходы по выселению».

Кажется, все предусмотрено в этом «строго секретном» постановлении. Не сказано только, откуда разоренным крестья-

нам взять деньги и как могут они обес-
печить себя продовольствием в дороге да
и «на местах поселения».

**Из записки полномочного представителя
ОГПУ по Сибири, переданной по пря-
мому проводу в Москву 21 февраля 1930 г.:**

«У экспроприруемых отбирают пол-
ностью все имущество, вплоть до белья, ло-
жек, снимая последние пимы, шапки...

По Омскому району: отбирались сухари,
мыло, сало, полотенца, подушки, валенки,
подошвы, гармошки, портянки, детские ру-
башки, иконы, приготовленное в дорогу
мясо, деньги — до копейки.

В Татьяновском сельсовете Борисовско-
го района активисты Чуриков Захар, Ра-
нец Григорий, Попович Петр при отчужде-
нии имущества растащили и разделили
между собой мануфактуру, мясо... При де-
лежке дело дошло до драки. Чуриков за-
брал масло и сало, спрятал за пазухой.
А когда пришел в сельсовет, масло рас-
таяло и потекло...

Иконниковский район, Ельновский сель-
совет. Кулака Харитоненко раздели прямо
в сельсовете, сняли брюки и френч.

Ирбейский район, деревня Подьянда.
Председатель сельсовета Мозгалевский
при входе в дом к кулаку прежде всего
брался за одежду и за ящики, которые
стояли в квартире. Он и с ним активисты
забирали все, оставляя членам семьи толь-
ко то, что было на них. Где попада-
лось варенье, сметана, масло, часть съеда-
ли на месте, остальное забирали с собой.
Мозгалевский пришел в сельсовет, а у него
все лицо было выпачкано вареньем... Кро-
ме того, им было взято пальто, брюки и
другие вещи для личных надобностей.

Масляницкий район, село Гусельниково.
Выселили, отобрав все имущество, семью
крестьянина Дмитрия Гусельникова, кото-
рый в 1928 году получил кредит из бед-
няцкого фонда для восстановления хозяй-
ства, 20 рублей на три года, и за два
года сумел поднять свое хозяйство до уров-
ня середняцкого.

В Иселькульском районе, в селах Коль-
цовка, Плотниковка, Веженка, снимали с
веревки сырое белье и уносили... Отнима-
ли деньги и тут же пропивали. Забира-
ли детскую одежду, и дети в дороге за-
мерзали насмерть.

Кольванский район, поселок Тропини-
но. У кулака Чернигина сельсоветские
отобрали сапоги, 3 пары подошв, 2 пары
стелек, говоря: «Походил в сапогах, теперь
поезжай в тайгу, привыкай там ходить бо-
сиком. Вас, кулаков, должен обогреть Бог
духом своим».

Жену кулака Ковригина с 5 малыми
детьми посадили полураздетых в сани, и
они по дороге обморозились.

В Завьяловском районе красноармейку
Шарову раздели, насильно стянули пальто.
Ребенка тоже раздели, выкинули на снег.

А награбивши, наевшись и напялив на
себя чужую одежду, отчего бы не «пошу-
тить»?

«В деревне Шуточкино помощник на-
чальника районного административного
отдела Малахов и старший милиционер
Кучин в доме колхозника-бедняка Шу-
точкина Герасима вымазали икону медом
и соплями и посыпали мукой... Потом ста-
ли выдергивать паклю, чтобы дом поболь-
ше продувался».

Мы говорим: преступность в наши дни
достигла невиданного прежде размера.
Никогда раньше, мол, не было у нас тако-
го. А вот так — прямо среди бела дня —
огрбить до последней детской рубашон-
ки, до последнего старушечьего платка,
испоганить дом, выбросить семью на мо-
роз, да с разрешения властей, — это как?!

До чего ж изобретательной была наша
советская власть! Сама грабила и тут же
требовала с ограбленных содержать себя
и платить за дорогу к смерти. Какая-то
разбойничья логика! Совсем как в том
анекдоте времен застоя: на профсобра-
нии объявили, что завтра всех будут ве-
шать, явка обязательна. «Вопросы есть?» —
«Есть! — раздается из зала. — Веревку
с собой принести?» Принести! Так это
было — не в смешном анекдоте, а в страш-
ной реальности тридцатых годов.

И уже не удивляешься, что в донесении
из Томского округа секретарю Сибирско-
го крайкома партии Р. Эйхе от 23 февра-
ля 1930 г. с грифом «Сов. секретно» сооб-
щалось:

«В Нарым заброшены кулацкие семей-
ства без домашних вещей, без запасов про-
довольствия... Люди совершенно раздетые,
всю одежду у них отобрали».

Так начиналась их «жизнь» в краю веч-
ной мерзлоты, где для поселений выбира-
лись места самые глухие и гиблые.

**Из постановления коллегии Наркомзе-
ма от 1 апреля 1930 г. Строго секретно:**
«Поселки должны находиться... возмож-
но далеко от расположения железных до-
рог, шоссеиных и водных путей».

«При отводе сельскохозяйственной для посел-
ков с кулацкими хозяйствами необходи-
мо учесть, что земли должны быть худ-
шего качества».

Не кормить, не платить, не лечить

Таково было самое дешевое средство
отправить на тот свет тысячи выселенных
крестьян.

**Из протоколов заседания комиссии по
хозяйственному устройству кулаков на се-
вере. 19 августа 1930 г. Сов. секретно:**

«Комиссия по обследованию Кулайской
комендатуры докладывает: кулаки расселе-
ны по реке Ягыл-Яг, за болотами. От по-
следнего населенного пункта Тарского
района — это хутор Каун — 70 с лиш-
ним километром».

На устье реки Пулцис — 22 поселка.
Построены на весьма низком месте. В мо-
мент весеннего паводка заливает водой.
Избушки построены без крыш — кое-как
заброшены березовой корой. Окна без сте-
кол...

Почва здесь почти не оттаивает, са-
мое большее — на 1 метр глубины.
В июле днем температура около нуля гра-
дусов. Земля покрыта мхом и бесплодна.
Нужны огромные капиталовложения для
ее освоения».

**Из докладной записки информтдела
ОГПУ Сибкрая председателю крайиспол-
кома Клименко. 25 апреля 1930 г. Сов. сек-
ретно:**

«Ни на одну базу вселения не заброше-
ны семена, очень затруднительна за-
броска продовольствия... Выселенные в

большинстве случаев ютятся в землянках
или балаганах, расположенных под откры-
тым небом. Среди поселяемых много боль-
ных... Заболели еще в пути следования.
Запас медикаментов незначителен. Мед-
персонала очень мало... Заболеваемость со-
ставляет более 80 % населения: желтуха,
опухоль, дизентерия, истощение. Вместо
чая заваривают перегнившие шишки. К му-
ке добавляют древесные суррогаты, траву.
Лошадей пало до 80 %. Люди еле полза-
ют — распухшие и пожелтевшие. Дальней-
шее пребывание кулаков на расселенном в
данный момент месте невозможно».

Каким же было решение вышестоящей
инстанции по этому обращению Кулай-
ской комендатуры (да и многих других
комендатур)?

**Из постановления Сибкрайисполкома
22 октября 1930 г. Сов. секретно:**

«Кулаков с расселенного в данный мо-
мент места не выселять».

Тем самым был фактически подписан
смертный приговор тысячам людей, в том
числе из поселков по рекам Пулцис и
Ягыл-Яг.

Правда, Сибкрайисполком обсудил до-
кладные комендатур и констатировал от-
сутствие повсюду продовольствия, спец-
одежды, «неснабжаемость промтоварами»,
а также то, что женщины приносят в
комендатуры младенцев и говорят со сле-
зами: «Дайте им еду или мы их сами
поубиваем!»

Однако из Центра не поступало прика-
за что-то менять в положении высланных.
А собственная инициатива была ох как
наказуема! Времена-то наступили крутые.
А что виделось в перспективе?

**Из протоколов обсуждения вопроса
«О хозяйственном устройстве переселен-
ных кулаков». 2 июня 1930 г. Сов. сек-
ретно:**

«Сумеет или не сумеет посеять? Скот
чрезвычайно заморен. Часть лошадей не-
пригодна для работы. В наличности лишь
15—20 % хлеба, который необходим для
семейств кулаков, обитающих там...

Мы имеем в Омске, Чаинске и даже в
Томске эпидемии сыпняка. Большая вши-
вость, потому что никакой медико-сани-
тарной работы среди этих групп не про-
водилось, не было достаточного количест-
ва бань. Обнаружена трахома... Немало
случаев смерти от голода. Нет средств
для организации медобслуживания».

Основная масса поселенцев обречена на
голод в ближайшем будущем. Люди пы-
таются бежать. Стараются оформить раз-
воды, чтобы женщины с детьми могли
отсюда уйти в обжитые районы и там, в
деревнях, если повезет, выйти замуж и спа-
сти детей от голода... Мужчины сбива-
ются в банды для нападений из тайги».

А из Москвы все шло строго секрет-
ные указания.

**Из Постановления СНК РСФСР 18 ав-
густа 1930 г.:**

«Максимально использовать раб. силу
спецпоселенцев на лесоразработках, на
рыбных и иных промыслах в отдален-
ных районах... В сельском хозяйстве ус-
траивать лишь тех спецпереселенцев, ра-
бочая сила которых не может быть ис-
пользована на лесоразработках и промы-
слах».

Строго секретно предписывались и условия оплаты труда выселенных крестьян: «Установить, что в случаях, когда выселенные кулаки привлекаются в качестве рабочей силы, оплата их труда должна быть на 20—25 % ниже по сравнению с занятыми на этих работах рабочими. Законы о соц. страховании на них не распространяются».

Люди обрекались на бесправный, рабский, каторжный труд. Между тем Сибкрайисполком не раз обращался в Москву, в Наркомторг с просьбой выделить «хлебные фонды для снабжения кулацких семей». Ведь все — до фунта хлеба, до зернышка — распределялось только из Центра. Без разрешения «с самого верха» человек и корочку хлеба не мог съесть... Каков же был ответ на эти ходатайства? Он пришел через два месяца — от Центрального РСФСР:

«Вследствие напряженности хлебных ресурсов контингент хлеба, выделенный для снабжения переселяемых кулацких хозяйств... согласно распоряжению НКторга РСФСР уменьшается с 3056 тонн до 1461 тонны муки... Для спецпереселенцев ввести «нормы снабжения».

Каковы же были те нормы? Из циркулярного письма Наркомторга РСФСР 2 июля 1930 г.:

«Хлеба выдавать в день 300 г, крупы 20 г, сахару 6 г. Растительное масло не назначается».

Столь «щедрые» нормы приводили к трагическим результатам.

Из донесения коменданта Пудинской распорядительной базы ОГПУ:

«Явное болезненное состояние народа с каждым днем увеличивается. Смертность детей на 1600 хозяйств более 200... Прошу о скорейшем командировании в район базы врача, присылке медикаментов и проч.».

Из сообщения Усть-Ягийского фельдшерского пункта 31 мая 1930 г.:

«Болезни прогрессируют... Кровавые поносы, свертлящие боли в животе, общее опухание тела... Вздутие животов и перитониты... 75 % населения имеют вид тела истощенного, землистого цвета... Грудных детей кормят тоже суррогатами... Мучения и смертность детей огромные... Ни молока нет, ни мяса, ни сахара, никаких жиров и круп. Идет полнейшее вымирание детей».

Очевидно, под градом подобных сообщений из округов и районов Сибирский краевой отдел здравоохранения направил просьбу о помощи кадрами медиков и средствами в Москву.

А вот и ответ. «По секрету», разумеется.

Из циркулярного письма Наркомздрава: «Денежные ассигнования Сибкрайздрава на медико-санитарное обслуживание переселенцев в середине текущего бюджетного года резко сокращены, а с начала нового бюджетного года будут прекращены совершенно».

Вряд ли по своей воле Наркомздрав прекращал финансирование. Он лишь получал ту или иную долю средств из госбюджета. А бюджет тоталитарного государства с разоренной дотла деревней и слабой промышленностью, подчинившего все созданию военной мощи, не оставлял

надежд на развитие здравоохранения и других отраслей, связанных с нуждами населения. Что уж говорить о положении «классово чуждого элемента». Проще всего было вообще избавиться от такового самым дешевым способом: пусть голод и болезни сделают свое дело...

Но неужели обреченные на гибель крестьяне и не пытались поднять голову и оказать сопротивление?

Если бы парни всей страны...

Хранящиеся в архиве спецсводки ОГПУ не оставляют сомнений: попытки сопротивления были.

Из оперативной сводки ОГПУ на 31 января 1930 г. Сов. секретно:

«Устроенная в с. Горное массовая волынка продолжалась 3 дня. Местные учреждения — сельсовет, потребительское общество, школа прекратили работу... Устроили собрание, в котором участвовали 600 человек, преимущественно женщины. Требовали возвращения имущества, восстановления всех лишенных в избирательных правах. Избито три активиста.

В деревне Комарье устроена массовая волынка с требованием «долгой коллективизации». С помощью разъяснительной работы ликвидирована. Арестовано 13 человек. (Так разъяснением или арестами ликвидировали?!)

В селе Озерки устроена массовая волынка — участвовало 110 человек. Инициаторы арестованы».

Из информационного письма Бийского Окрадмтдела начальнику крайдмтдела Сумину:

«В 4 часа утра 10 марта в селе Уч-Пристань в помещении РАО явился уполномоченный ОГПУ района Добытин с группой неизвестных лиц. Выстрелом из револьвера убил дежурного старшего милиционера, после чего открыл каталажную камеру, в которой находилось значительное число арестованных кулаков. Добытин их освободил и начал с ними производить аресты членов ВКП (б) и активистов, забирая оружие — всего около 140 винтовок и много патронов. Арестованный актив, около 80 человек, был заключен в каткамеру (каталажную камеру. — Ред.) РАО. Но вскоре были освобождены и приняли участие в организации боевых отрядов для борьбы с бандой. В банде Добытина было 400 человек — кулаков и других несоветских элементов.

Под натиском наших отрядов бандиты оставили с. Уч-Пристань и пошли по направлению к Ойротской области через с. Коробейниково на Михайловский район, где и находятся. Состав милиции приведен в боевой порядок. Принять меры к охране важнейших пунктов в городе (почта, телеграф, домзак)».

Из записки ОГПУ, посланной в Москву по прямому проводу из Сибири 21 февраля 1930 г. Сов. секретно:

«С 15-го по 20-е февраля ликвидирована одна повстанческая организация из села Усыган Иркутского округа, которая готовилась к вооруженному выступлению 17 февраля и которое было предупреждено ликвидацией...»

При аресте 26 человек собралась толпа женщин у сельсовета, поднявшая истерический плач... Толпа была рассеяна... Арестовано дополнительно 31 человек».

Число арестованных, судя по донесению, росло как снежный ком: несколькими строками ниже в «Записке» фигурирует цифра — 311 арестованных. Потом еще — 1054. И — всего за неделю — 6113! Эта огромная для села цифра показывает, что, скорее всего, аресты велись поголовно, чтобы отбить охоту к выступлениям не только в этом селе.

Множество информационных писем ОГПУ «наверх» сплошь было составлено из доносов «доброхотов», не оставлявших без внимания ни единого слова против советской власти, сказанного земляками. Вот, к примеру, донос на Кузьму Якимцева из села Алексеевка Новосибирского района, говорившего: «Что же это за напасть такая на бедных крестьян — везде грабеж, загоняют в коммуны, а не хочешь — вышлют тебя к чертовой матери или осудят».

Беднячка Вера Лапшева из села Шарчино Битковского района: «Черт знает что творится. Кулаков угоняют, середняков разоряют, а бедноту не снабжают хлебом. Как видно, всем придется заживо приготовить себе могилы и подышать от голода».

В поселке Мостовой Гусино-Бродского сельсовета Новосибирского района середняк Родионов Александр на сборном пункте, где отправляли кулаков на высылку, призвал: «Товарищи! Что же мы смотрим, какие они кулаки? Сегодня отправляют их, а завтра отправят нас. Не нужно этого допускать, надо нам их освободить и поставить вопрос так, чтобы их не брали». Большинство собравшихся Родионова не поддержало.

В том, наверное, и заключалась беда, что по разным причинам не поддержали люди друг друга. Не взялись за руки, чтобы отстаивать свое право свободно работать на родной земле, не сумели сплотиться, когда творилось насилие. А оно, безнаказанное, только усиливалось. Одни боялись связываться с властями, которые не знали снисхождения, другие польстились на имущество выселяемого соседа — на его пимы или поросенка, на шапку, банку сметаны... Так или иначе, но не услышали своих здравомыслящих земляков — и проиграли все. И страна на долгие годы погрузилась в нищету и неволю.

Так было. Захотим ли подобного снова?

Публикацию подготовила
Галина РОНИНА